

Владимир Кучин

*Сага
Низовской
земли*

Владимир Кучин
Сага Низовской земли

«Издательские решения»

Кучин В.

Сага Низовской земли / В. Кучин — «Издательские решения»,

«Сага Низовской земли» посвящена нижегородцам, их трудным судьбам, их мечтаниям, достижениям и неудачам. Их горю и их счастьем. Время действия — первые семь десятилетий 20-го века, место действия — Россия в прежних границах.

Содержание

Зачин	6
Крест	7
Чекист	8
Купец	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сага Низовской земли

Владимир Кучин

© Владимир Кучин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зачин

«Древле Низовской землей владели идолопоклонники мордва. Благочестивый Великий Князь, ныне духом в бозе, а нетленным телом своим во граде Владимире почивающий, Георгий Всеволодович Владимирский, дабы обеспечить владения свои от набегов соседственных народов, заложил в 6707 году на устье реки Оки град, нарек ему имя Нижний-Новгород...»

– старинная надпись на паперти Архангельского собора в Нижегородском Кремле.

Архангельский собор был разрушен в 30-е годы 20-го века, восстановлен в 60-е годы.

Крест

Мы наги – мы сняли Крест нательный!
Поминая всех,
И всё,
И вся,

Мы несемся в жаркий бой смертельный!
Не молясь,
Спасенья
Не прося.

На одном единственном патроне
Нам фартило
Смерти
Избежать.

И в тифозном грязном эшелоне
Выпало
В беспамятстве
Лежать.

Не брала ни водка, ни холера,
Ни летучий,
Едкий
Кокаин.

Не пугала казачков шпалера.
Смело шел на них
Крестьянский
Сын.

А чужих усадеб пепелища,
Остужали
В наших душах
Злость.

Есть ли Революции почи'ще?
Нам таких
Встречать
Не довелось!

Чекист

Арестовали меня в понедельник 7 июня 1937 года. Обстоятельства ареста были самые обыкновенные. Накануне 6 июня в воскресенье я со своим сыном Сашей пошел на футбол. Горьковский стадион «Динамо» был переполнен, но у меня как почетного члена общества «Динамо» был пропуск на центральную трибуну. Впервые в истории наше «Динамо» в 1/16 Кубка СССР по футболу принимало «Динамо» Киев. Зрители восторженно встретили появление футболистов на поле. Особое чувство возникало у меня и, особенно у Саши, оттого, что в горьковской команде в нападении играл дальний родственник моей жены Вадик Колышев. Горьковчане первые десять минут пытались вести игру на равных, но затем ошибся наш вратарь и киевляне забили гол. После первой половины игры счет был уже 0:3, а завершился он разгромом наших земляков со счетом 0:5. Горьковчане пытались всю вторую половину матча забить гол престижа, но киевский вратарь Николай Трусевиц, известный горьковским болельщикам только по газете «Красный спорт», стоял уверенно и сохранил свои ворота «сухими».

По окончании игры, я в толпе болельщиков вышел через главные ворота стадиона на улицу Свердлова, закурил, и хотел, было, идти вместе с сыном домой, но обстоятельства поменяли мое решение. Два молодых оперативных сотрудника, которых я хорошо знал по своему управлению, остановились рядом со мной покурить, и один из них неожиданно предложил:

– Александр Василич, как на счет обмыть это дело?

Уговаривать меня не пришлось, и я сказал сыну:

– Сашок, иди домой и скажи матери, что я задержался на работе по делам.

Мы пошли по улице Воробьева, зашли через служебный вход в управление, и поднялись в мой кабинет на втором этаже. У ребят с собой была буханка хлеба и бутылка водки. Когда мы ее выпили, я достал из шкафа вторую поллитру, затем один из сотрудников сбегал куда то за четверкой. В нашем ведомстве молотить языком на бытовые и политические темы было не принято, поэтому мы долго обсуждали футбол, а затем коллеги рассказали мне, как удачно они съездили в конце мая на рыбалку. Мы еще покурили, и мои гости заторопились. Уходить домой не хотелось, поэтому я достал из шкафа подушку, устроился спать на кожаном диване и попросил молодежь записать меня на вахте как ночующего сотрудника, выполняющего специальное задание. Товарищи пообещали обязательно выполнить эту просьбу и даже забежать утром и меня проведать.

Утром в понедельник 7 июня 1937 года в мою комнату постучали. Я босиком подошел к двери, откинул крючок, и в комнату прошли три человека – два моих воскресных собутыльника, одетые в форму, и с ними третий человек, мне незнакомый. Незнакомец протянул мне свернутую вчетверо бумагу с постановлением и сказал:

– Служащий Петров – вы арестованы. Сдайте оружие и пройдите с нами.

Читать постановление я не стал, оружия у меня не имелось, единственное, что я попросил:

– Мне бы оправиться, гражданин

Я замялся, не зная как назвать неизвестного, но он ответил:

– Оправитесь, задержанный, это можно.

Я намотал портянки, надел сапоги, накинул на плечи пиджак и между двумя своими конвоирами вышел в коридор. В коридоре мы никого не встретили. Длинными запутанными

переходами меня привели к кабинету, на котором была привинчена табличка «Следователь», а на месте второй таблички с фамилией светилось прямоугольное не закрашенное пятно. Прежний следователь здесь уже не работал, а для нового хозяина не изготовили таблички. Вот так завершилась вторая четверть моей жизни и началась третья.

Допросы длились не очень долго, 10 июня все было завершено. Ко мне для получения от меня нужных показаний не применяли никаких мер специального воздействия, а все что я показывал следователю на допросах, не содержало никакого секрета, и от меня не требовали показаний на кого-то. Мое дело облегчали два обстоятельства: я никогда не был членом ни одной партии и ни разу не занимал в Красной Армии, РККА, НКВД должностей командных, а всегда был хозяйственником. Против меня, как я это понял из вопросов следователя, были другие два непреодолимых обстоятельства: при царском режиме я носил офицерское звание, а в Гражданскую войну воевал на Украине в составе Первого корпуса Червоного казачества комкора Виталия Примакова. Последнее обстоятельство еще год назад служило мне хорошей характеристикой, но следователь заявил, что враг и заговорщик Примаков разоблачен и все его бывшие подчиненные попадали в разряд подозреваемых, как минимум. Двумя годами ранее я уже постоянно ожидал своего ареста, после того как был разоблачен враг и шпион Ягода, но видимо тогда никто не дал показаний против меня.

10 июня 37-го года после обеда меня доставили к следователю в четвертый раз. Он выглядел весьма усталым, и, не продолжая допроса, сразу дал мне прочитать машинописный листок со своим предложением к членам чрезвычайного суда по моему делу. На листке через фиолетовую копирку было напечатано:

«Гражданин А. В. Петров по ходу следствия полностью признал свою вину в совершении им на протяжении своей службы и работы с 1918 год по 1937 год включительно актов контрреволюционного саботажа. Его преступления подлежат наказанию, предусмотренному ст. 58—14 УК РСФСР. Прошу суд учесть это определение деяния подследственного, и вынести справедливое решение. Следователь И. Голенда».

Видя мое недоумение, следователь спросил:

– Есть вопросы?

Я ответил:

– Статья 58—14 мне не знакома, не могли вы, гражданин следователь, пояснить.

– Поясняю,

сказал следователь менторским тоном,

– Специально для таких как вы врагов и саботажников статья 58—14 УК РСФСР введена в действие 6 июня 1937 года, в минувшее воскресенье.

Видя мой вопросительный взгляд, он продолжил:

– Статья тяжелая, и для вас подследственный, я думаю, будет восемь или десять лет с конфискацией. Так-то господин Петров. Вам нужно прочитать и подписать показания, вы же понимаете.

Я бегло просмотрел свои показания и их подписал. Суд состоялся утром 11 июня 37-го года. Следователь Иосиф Голенда был прав – я получил 8 лет с частичной конфискацией имущества. Через месяц меня отправили по этапу – мой путь лежал в необъятный Магаданский край. После ареста мне ни разу не позволили увидеть жену, сына и дочь, сведений от них я не имел. Первое письмо жене мне разрешили отправить через год, но ответа не было. Я писал, ответы не приходили, на третий года я перестал писать.

В Горький я ненадолго вернулся через двадцать лет в 1957 году, но со своей старой семьей не встречался. В 1959 году я узнал, что мой командир комкор Виталий Примаков был арестован много раньше меня – в 1936 году. Судим и осужден Примаков был в один день со мной – то есть 11 июня 1937 года, а на следующий день расстрелян. Этим, возможно, объяснялось ускоренное завершение следствия по моему делу следователем Иосифом Голендой – Москва дала команду завершать все дела, связанные с комкором Примаковым, что и было исполнено.

Беседы со следователем невольно заставили меня вспомнить все сорок семь лет моей жизни. Я родился в Ярославле в 1890 году. Отец мой – Василий Петров – был из местного старого дворянского рода, а мама Елизавета была из Костромской губернии, где у ее отца было довольно крупное поместье. Мама состояла в родстве со знаменитым семейством заводчиков Демидовых, что, впрочем, ей в денежном отношении ничего не приносило. Из детских впечатлений мне запомнились только две поездки: первая на пароходе по Волге до Романово-Борисоглебска, вторая по железной дороге до Ростова на озеро Неро.

Так бы я и жил в Ярославле, если бы летом 1899 года к нам не заехал инженер, как все его называли, Николай Боцарис. Инженер Боцарис был женат на сестре моей матери, и приходился мне дядей. Это был крупноголовый старик с густой бородой, расчесанной на две стороны. Старик был серьезно болен (позднее, я узнал, что на дату приезда к нам в Ярославль инженеру Боцарису было неполных пятьдесят семь лет), он тяжело дышал, отирал платком испарину со лба и отворачивался от света свои воспаленные и припухшие глаза. Дядя Боцарис прогостил у нас три дня, а когда уехал, то мама в разговоре с отцом за обедом говорила, что «Коля совсем плох, занятия инженерией, электричеством и свинцом подкосили его окончательно и, должно быть он приезжал к нам в последний раз». Мама не ошибалась – инженер Боцарис вскоре навсегда покинул Петербург, где проживал с семьей, и уехал в провинциальный городок Киевской губернии, где через пять лет скончался. Болезни не отпускали его, а отравление свинцом, полученное в ходе экспериментальных работ, лишило его в последние три года земной жизни разума.

На второй день своего прощального визита за ужином инженер Боцарис проявил интерес ко мне, его племяннику. Он расспросил меня об учебе в гимназии, о моем интересе к занятиям и моих успехах. Хвалиться было нечем, гимназические занятия мне не нравились, и учить уроки я невзлюбил с первого класса. Получалось, что я был полной противоположностью своему ученому родственнику – он стремился к знаниям, а в меня знания нужно было впихивать насильно.

Неожиданно дядя спросил меня (это был воспитанный господин, десять лет проживший в просвещенной Европе, в основном в Париже):

– Как вы смотрите, Александр, на военную карьеру? В десять лет можно поступить в кадетский корпус, а я готов вам составить протекцию.

Вмешалась мама:

– Николай Николаевич, ребенок привык жить дома, ему будет трудно в среде военной, ему и гимназия тяжело дается.

Мой отец возразил:

– Александру в его возрасте весьма полезны физические упражнения, особенно на свежем воздухе, и настоящая не формальная дисциплина, а всего этого ребенок в гимназии лишен. Саша сидит в душных классах за стеклом как муха, а польза от этого образования для его дальнейшей жизни весьма сомнительна.

Отец, к слову сказать, был большим поклонником модной в то время шведской гимнастики, и даже совершал пробежки в особом гимнастическом трико по набережной Волги, чем шокировал ярославских мещан. Они провожали его осуждающими взглядами, и выражали свое отрицательное отношение к подобному променаду ехидно переглядываясь и постукивая указательным пальцем себя по виску.

Мама сделала вывод:

– Сговорились, господа, и не жалко вам дитя. Ну, какой из Саши кадет? В нашем роду военных никогда не было, окончит гимназию, в университет поступит, можно Сашу по горному делу устроить.

Она с укором обратилась к инженеру Боцарису:

– Вы, Николай Николаевич, внук генерала, а пошли в медики, пожалели свою матушку, царствие ей небесное.

Старик Боцарис на это напоминание ничего не ответил. На этом разговор взрослых за ужином завершился.

Много лет спустя, я узнал, что отношения инженера Боцариса с заводчиками из рода Демидовых, были напряженными. Он был, как я уже говорил, женат на сестре моей матери, получившей по наследству крупное поместье в Костромской губернии. Николай Боцарис своими инженерными изысканиями довел поместье жены до разорения, оно было заложено, а затем ушло с молотка за долги. Основные научные достижения Боцариса пришлись на его парижский период работы, и в Европе его признавали, чего не скажешь о России. Заводчики Демидовы не только не помогали самородку Боцарису, который приходился им свояком, а, напротив, всячески ему в работе препятствовали. Они поддерживали своего местного уральского умельца – работника одного из своих горных предприятий – который отставал в практической работе от Боцариса лет на пять-шесть. Но привилегию в России на ведение и производство работ в тематике инженера Боцариса получил именно этот демидовский выдвиженец. Николай Боцарис пытался судиться с уральским инженером – и проиграл – деньги Демидовых решили судебное дело не в его пользу. Поэтому старик Боцарис, у которого родственники моей матери и его собственной жены – Демидовы, фактически отсудили привилегию, и тем самым довели его до состояния банкротства, в полемику с моей матерью не вступал.

Но вернемся к моей кадетской истории. Действительно, мой отец попросил Николая Николаевича Боцариса, происходившего из семьи потомственных военных, составить протекцию по моему поступлению в кадетский корпус. И у Боцариса такая возможность была – бывший подчиненный его отца, а теперь генерал, – Александр Георгиевич Рейнеке, командовал в Нижнем кадетским корпусом. Генерал Рейнеке знал инженера Боцариса еще с тех далеких времен, когда инженер был мальчишкой моего возраста, а генерал начинал военную службу в звании унтер-офицера. К тому же полковник Боцарис, отец моего дяди, и унтер-офицер Рейнеке вместе воевали в Севастополе в печальную Крымскую кампанию.

Прошел почти год с визита к нам старика Боцариса. Весной 1900 года мне исполнилось десять лет, и в августе я, выпускник третьего класса гимназии Александр Петров, в сопровождении отца, поплыл на пароходе из Ярославля в Нижний. Протекция моего дяди возымела свое действие, поэтому просьба моих родителей, не имевших военного звания, о допуске меня к вступительным экзаменам в Аракчеевский Нижегородского графа Аракчеева кадетский корпус была удовлетворена.

Родители не понимали, в какое жизненное горнило они бросили своего единственного сына. Вступительные экзамены я выдержал, и, вместе с другими 56-ю выдержавшими был зачислен в 1-й класс корпуса, который входил в состав 3-й роты.

31 августа 1900 года я впервые надел мундир кадета и в 11 утра стоял на своем первом построении. Генерал Рейнеке поздравил нас с началом нового учебного года, затем прошел молебен и состоялся общий торжественный завтрак для родителей. После завтрака отец со мной попрощался и уехал в Ярославль, в следующий раз я увидел его через пять месяцев, когда 24 декабря приехал домой на зимние каникулы.

В корпусе я встретил все то, что так не любил в начальных классах гимназии, причем встретил в удвоенном и утроенном размере. В первую очередь это были утренние и вечерние молебны, дисциплина и муштра, постоянный контроль ротного воспитателя, строгость и придирчивость ротного командира. Преподаватели закона Божьего, арифметики, математики, физики поощряли своих любимчиков, вели себя откровенно предвзято и придирались на пустом месте. Это отбивало всякое желание учить их предметы. В младших классах я хорошо успевал по языкам – русскому, французскому, немецкому, в старших меня интересовала космография, география, законоведение.

Отдельный вопрос – жизнь в общей спальне, одевание в общей шинельной, пользование общей чистильней, умывальником, ватер-клозетом. Обязательно находились какие-нибудь шутники, обычно из семей потомственных военных, которые воровали твоё мыло, обрывали пуговицы на шинели и разрезали твою вторую нательную рубаху ножницами на ленты, или делали другую ими придуманную гадость. Они ловили момент, когда объект их шуток обнаруживал пропажу либо потерю и, как вампиры, упивались его страданиями.

Самый запомнившийся мне случай произошел в 4-м классе. Один из воспитанников нашей роты происходил из грузинского княжеского рода Канделадзе, в 14 лет это был вполне сформировавшийся крупный и сильный молодой человек, в строю роты он стоял в первой шеренге вторым на правом фланге. Этому князя отличала одна неприятная физиологическая особенность – во время сна он страшно храпел. Сделать что-либо с этим явлением было невозможно, но кадеты решили лечить его своим «особым» способом. Иногда начальство корпуса практиковало подъем роты по тревоге – вполне возможно вещь действительно для военного дела нужную. Кадеты, спавшие рядом с князем, узнали о готовящейся тревоге, и за полчаса до тревожного подъема пришили его одеяло к матрасу и простыни суровыми нитками. Когда по приказу ротного командира в пять утра дежурный подал команду «Рота, подъем», то князь проснулся и попытался выполнить команду, но не тут то было. Поэтому он встал в строй завернутый как младенец – спереди к нему было пришито одеяло, а сзади простынь и матрас. Шутники вспоминали это «построение» князя по тревоге не менее года.

Весьма распространенными, но всячески скрываемыми в среде кадет явлениями, были доносы, ложь, воровство денег, драки и матерная ругань. Изредка доносчик попадался в руки кадет, и ему в шинельной устраивали безжалостную «темную» – накрывали шинелями и били жестоко и яростно. Ротные командир и воспитатель на словах призывали нас к «укреплению характера», «честности», «товариществу», а на деле поощряли доносчиков, подлиз и подхалимов.

Из хорошего в быте кадет Аракчеевского корпуса можно отметить только две вещи: четырехразовое обильное и сытное питание и увольнение в город в праздничные дни после утрен-

него чая до 8 вечера. Уже в пятом классе я курил, но делать это мог только в увольнении, курение в корпусе не разрешалось и каралось вплоть до отчисления с волчьим билетом.

В пятнадцать лет, когда я приехал к родителям в Ярославль на очередные зимние каникулы, то с порога им объявил, что учеба в кадетском корпусе мне надоела, и я хочу покинуть стены «Аракчеевщины» до окончания 6-го класса. Сделать это можно было только по здоровью. Мать закрылась с отцом в зале и долго с ним беседовала, а затем куда-то ушла. Вечером мама объявили мне, что нашла необходимого врача еврея, который за большие деньги согласился начать мое лечение «от дифтерии» и выправить все нужные бумаги, а в Аракчеевский корпус 5-го января будущего 1906 года мама даст телеграмму.

План родителей сработал. В феврале 1906 года, я, успешно «излеченный от дифтерии» хитроумным еврейским эскулапом, прибыл в Нижний со своим отцом. За два дня мне оформили все бумаги, в том числе дали аттестат об окончании мной 5-ти классов кадетского корпуса. Я попрощался с кадетами своей роты, ротным начальником, ротным воспитателем и отбыл домой в Ярославль. Так завершилась первая четверть моей жизни.

Кадет и будущий юнкер из меня не получился, к тому же мной был потерян целый год обучения. В сентябре 1907 года я поступил в Ярославскую мужскую гимназию и весной 1909 года ее закончил. Последние месяцы я жил в Ярославле у дальних родственников, ибо моя семья – отец, мать и старшая сестра Зинаида, – переехала в Москву на новое место службы отца. Год прошел у меня в поисках пути в жизни, а в 1910 году я поступил в Московский университет. Проучиться мне удалось полтора года, учение было явно не для меня. Моим трудоустройством занялась мама. Через своих влиятельных знакомых она выхлопотала для меня должность помощника управляющего Нижегородской конторой объединенного правления мануфактурных заводов. В начале 1913 года я прибыл на свое новое место работы. И, с этого момента, где бы я ни работал или служил, я всегда занимался вещевым снабжением.

Нижний за семь лет с 1906 года, в котором я его покинул, немного поменял свой облик. В первую очередь он стал чище, уменьшилось число оборванцев, босяков, воров, распутных девок и прочих обитателей городского дна, которыми город был всероссийски знаменит. Стиль купеческой жизни остался, но типажи, отображенные в очерках, романах, пьесах местного писателя Максима Горького уступили место другим конторщикам, фабрикантам, заводчикам, не таким отъявленно хищным, жадным и разгульным. Это, кстати, проявилось в 1917 году – события тех революций прошли в Нижнем весьма спокойно, без стрельбы и баррикад.

В 1913 году, в мае, мне довелось воочию увидеть нашего императора Николая Александровича. Произошло это так. Контора, в которой я служил, располагалась на втором этаже большого здания по Рождественской улице. Витражные итальянские окна конторы выходили на эту улицу, по которой была проложена однопутная линия трамвая. 15 мая в нашу контору заявился полицейский чиновник и сообщил мне и управляющему, что через два дня на торжества в Нижний прибывает государь император. Его предполагаемый маршрут будет пролегать по Рождественской улице от плашкоутного моста через Нижнюю Благовещенскую площадь до Блиновского сада, и дальше до Нижнего базара – в этом месте 300 лет назад к нижегородцам взывал Кузьма Минин. Августейший император Николай Александрович дойдет по съезду до Ивановских ворот Кремля, далее посетит губернаторский дом, а конечная точка его пешей прогулки – новое здание Государственного банка на Большой Покровской.

Чиновник сообщил нам, что работу конторы в день торжеств необходимо приостановить, в зале конторы будет дежурить стражник с утра до вечера, а нам предписывается никаких встреч и сделок на этот день не назначать, а назначенные отменить, к окнам во время прохождения императора и его свиты не подходить. Движение повозок и экипажей по улице Рождественской разрешаться не будет, а наши экипажи, если такие имеются, просьба с улицы убрать.

Все случилось так, как нам рассказал полицейский офицер. С утра на Рождественской улице у мостовой в один ряд были выстроены отдельными группами нижегородцы, разделенные стражниками в парадных мундирах. Ближе к обеду на улице обозначилось оживление, проскакали две пары конных полицейских, затем проехала коляска, еще одна. И вот, появилась свита – впереди шел невысокий российский властитель в темном парадном мундире и с непокрытой головой. Он подходил к группам нижегородцев, каждому из них пожимал руку и что-то говорил. Под нашими окнами стояла одна из таких групп, но рассмотреть императора ближе нам не позволил стражник: он встал спиной к окну и тихо прошепел:

– Господа, не положено-с.

В конторе находились управляющий, три конторщика, посыльный и я. Но когда процессия ушла по улице дальше в сторону Балчуга, мы приникли к окнам и продолжали смотреть вслед самодержцу.

Зима 1913—1914 года запомнилась мне тем, что я познакомился с молодой красивой барышней – Лукерьей Колышевой. Знакомство состоялось на катке, залитом на Черном пруду. Мы стали встречаться. Лукерья познакомила меня со своим отцом купцом Сергеем Колышевым, это был человек вполне современных взглядов. От других нижегородских купцов братьев Колышевых – Гордея и Сергея – отличала в первую очередь вера – все богатейшие купцы и заводчики Нижнего были старообрядцами, а Колышевы придерживались истинной православной веры.

Летом 14-го года началась германская война. Обороты нашей конторы упали, появились казенные заказы, но они были весьма обременительны и, главное, приносили низкую прибыль. К концу 14-го года начались перебои с завозом товара, – русские войска ушли из Лодзи в Польше, откуда на склады нашей конторы поступали сукна и хлопок, английский товар взлетел в цене до небес – вывоз его морем в Россию стал невозможен. Даже набивные ситцы и те подорожали – анилиновые красители, употребляемые при их производстве, производились в Германии, и в условиях войны достать их было невозможно.

Весной 15-го года военная машина затребовала меня к себе – как бывшего кадета меня направили на ускоренную офицерскую подготовку в Тверь. Я попрощался с Лукерьей Сергеевной Колышевой, сговорился с ней непременно писать друг другу, и сдал дела в конторе. Перед отъездом я также зашел проститься со своей старшей сестрой Зинаидой, которая уже третий год проживала с мужем в Нижнем в собственном доме на Архангельской улице. Из Нижнего я отправился на поезде в Москву, а оттуда, не заезжая к родителям, проследовал в Тверь.

В Твери на основе Тверского кавалерийского училища были развернуты ускоренные 4-х месячные курсы прапорщиков. Командовал училищем полковник Дмитрий Алексеевич Кучин – кадровый офицер, происходивший из старого тверского дворянского рода. Полковник Кучин лично беседовал с каждым вновь прибывшим на курсы. В Тверь я приехал в начале апреля 15-го года, с вокзала явился с докладом к дежурному по училищу, и в этот же день еще в гражданской одежде представился полковнику Кучину.

Он подробно расспросил меня о моем происхождении и образовании. Факты моего обучения в Аракчеевском кадетском училище, родство с генералом Боцарисом и, главное, работа по мануфактурному снабжению в Нижнем неожиданно обрадовали полковника. Он предложил мне пропустить начальное кавалерийское и военное обучение, как вещь мне знакомую, а сосредоточиться на вещевом снабжении. Полковник сказал:

– Армия развернута в масштабе прежде невиданном, и тылы не успевают за ней. В полках кавалерии нет заместителей по конному запасу, в корпусах снабжением заняты бывшие московские конторщики. Я полагаю, Александр Васильевич, вам как бывшему кадету и бывшему студенту университета вполне по силам готовиться индивидуально именно по вопросу снабжения наших кавалерийских частей. А военную подготовку вы способны вспомнить за несколько дней в порядке дополнительном. Рассматривайте это как приказ.

Приказ полковника Кучина, хотя и отданный в устной форме, был исполнен в штабе училища и его учебной части. Обстановка на германском фронте была угрожающая. Даже газеты, прежде писавшие об успехах нашей «победоносной» армии, начали, наряду со статьями о германских шпионах, публикации о хищениях, гнилых сапогах и голодном рационе русских солдат. А дело было не только в хищениях, ибо похитить можно только то, что в армию завезено, а вопрос армейских поставок, как и сказал мне полковник Кучин, находился в состоянии крайней дезорганизации. В начале сентября я окончил курс обучения, и получил звание прапорщика и предписание явиться в Киев для дальнейшего прохождения службы.

На общем прощальном построении прапорщиков ускоренного выпуска начальник Тверского училища полковник Кучин сказал небольшую речь, которую закончил словами:

– Желаю вам, господа, честно служить нашему Отечеству!

Дмитрий Алексеевич в своем напутствии не упомянул о службе государю императору, и это было всеми подмечено. Дальнейшая судьба полковника, а с 17-го года генерала Дмитрия Алексеевича Кучина, сложилась трагически. Его старшие сыновья воевали с красными в рядах Добровольческой армии, а он остался в Твери и командовал курсами красных командиров. В конце 20-х годов его перевели в Москву, а в начале 30-х он был, как и многие другие принявшие советскую власть военспецы, арестован, и, возможно, расстрелян.

Мой путь на Украину лежал через Москву, поэтому я заехал к своим родителям. Мать наказала мне посетить, если получится, дом и могилу своего брата и моего дяди Николая Боцариса, а отец высказал одну очень верную мысль:

– Добром эта война не кончится, Саша береги себя.

Отец не ошибся, просьбу матери я выполнил – но уже после ее смерти – в 1921 году. Дом инженера Боцариса в Киевской губернии сгорел, документы ему принадлежавшие, в том числе все проекты пропали. Разыскать что-либо было невозможно, могила Николая Боцариса уцелела, но склеп, над ней построенный, был разграблен и порушен. Но все это я узнал через шесть лет.

В Киеве я направился в штаб недавно образованного Юго-Западного фронта генерала Алексеева. В штабе меня определили в 12-ю кавалерийскую дивизию 8-й полевой армии. В этом войсковом формировании я служил с сентября 15-го года по декабрь 17-го года. В январе 17-го я получил звание подпоручика и был переведен в тыловое управление 8-й армии. Штаб 8-й армии перемещался по Украине, последним местом моей службы был город Бердичев в Киевской губернии. Революции февральская и октябрьская разрушили основы рос-

сийской армии, солдаты массово дезертировали, и в конце 17-го года штаб 8-й армии перестал функционировать.

Служить более было негде и некому, под новый 18-й год я спорол с шинели офицерские погоны, оторвал от папахи кокарду и покинул Бердичев. Мой путь лежал до Казатина, оттуда до Киева и далее до Москвы. Летучие отряды красногвардейцев ловили на Киевской железной дороге офицеров и беспощадно и без разбору их расстреливали, но мне удалось избежать этой участи. В Москве я наведаясь к родителям. Отец долго со мной разговаривал, и подытожил:

– Надо, Саша, к новым властям прибаваться. Профессия твоя хорошая, политикой ты не занимался, греха на тебе никакого нет. Я подумаю, как помочь тебе.

Я середине января 18-го года я поехал в Нижний, где остановился у своей сестры Зинаиды. Ее муж Илья Алабин не работал, и семья жила со случайных заработков Зинаиды, которая перешивала вещи, которые ей приносили подозрительные личности – обитатели Балчуга и Нового рынка. На второй день по приезду я направился в дом Колышевых на Малую Ямскую улицу. Там были большие перемены – первый этаж дома и каменный пристрой были заняты новыми постояльцами. На втором этаже жили бывшие владельцы. Луша Колышева с Маргаритой продолжали жить в одной из больших комнат второго этажа.

Регистрация брака в то время не проводилась – не было служб, а в церковь мы решили не идти. Состояние духа братьев Колышевых было надломлено событиями 17-го года, которые включали обыски, допросы, отбор собственности и уплотнение. Когда Луша представила меня своему отцу Сергею Ивановичу Колышеву как мужа, то он отнесся к этой новости без интереса. Свою комнату сестры Маргарита и Луша разгородили занавеской, и за этой занавеской, возможно, прошел самый лучший месяц всей моей жизни.

В феврале 18-го я уехал к родителям в Москву, где прожил еще месяц. Отец нашел способ устроить меня по специальности, но мне пришлось вернуться на Украину, на этот раз в Харьков. В 18-м я приехал в Нижний еще раз – в конце года. Причиной этого было то, что Луша родила мне первенца, и я испросил у красного командования отпуск. Сына мы назвали Игорем. В январе 19-го года вместе с женой я уехал на Украину, где моя служба в конце 22-го года завершилась. Три года с 20-го по 22-й я воевал в составе 1-го корпуса Червоного казачества в строевой должности заместителя командира кавалерийского полка по конному запасу.

Когда с женой Лукерьей Сергеевной я с фронтов Гражданской войны вернулся в Нижний, моему сыну Игорю уже было 4 года. Все это время он находился на воспитании своей тетки Маргариты Колышевой. Игорь принимал ее за маму, и долго дичился и привыкал ко мне и Луше – своим неизвестно откуда появившимся родителям. Мой тесть Сергей Иванович Колышев умер годом ранее, и его комната на втором этаже была занята каким-то советским чиновником, но когда я поступил на службу, то немедленно его выселил и сам заселился в его комнату. Этому способствовало то, что в моботделе Губисполкома, куда я явился для постановки на учет как участник Гражданской войны и бывший красный командир, внимательно изучили мои документы и предложили мне продолжить работу и службу в хозотделе Губ. Ч. К. В этом отделе, а впоследствии управлении, я проработал до своего ареста в 1937 году.

Купец

Товарищество по торговле мясом и колбасами «Гордей Колышев и брат» я основал на капиталы отца, владевшего в Костромской губернии несколькими мясохладобойнями. Дела у нас шли бойко, и наша коммерция расширялась. В начале 19-го века я, Гордей Колышев владел тремя магазинами колбасного, мясного и бакалейного товара в Нагорной части Нижнего, колбасным копильным заводом в Кунавинской слободе, двумя складами на Сибирской пристани, двумя мясохладобойнями в Печорской слободе.

Я построил большой двухэтажный кирпичный дом на Малой Ямской улице, где сам занимал первый этаж, а второй этаж отдал своему младшему брату Сергею.

Жизнь моя подвигалась в больших трудах и заботах. Проблему образования своей семьи я безуспешно решал лет до сорока, но ни одной барышни, которая пришлась бы мне по вкусу и по душе, не повстречал. Жениться же по расчету – означало обречь себя на зависимость от тестя и тещи, чего мне по моему независимому характеру делать не хотелось. Поэтому две дочери моего младшего брата Сергея – Маргарита и Лукерья – почитались мной как мои собственные.

Начался 20-й век. В 1900 году летом в четыре часа дня, иначе говоря, к обеду, в наш дом пожаловал журналист и писатель Алексей Пешков, снимавший квартиру неподалеку на Третьей Ямской улице. Пешков был ровесником моего младшего брата, и они были шапошно знакомы лет с 20-ти. Свои произведения Пешков подписывал псевдонимом «Максим Горький», и по своему поведению вполне псевдониму соответствовал. Со мной Алексей Пешков знаком не был, поэтому я, когда мне приказчик доложил о визитере, предположил, что журналист приехал по денежным делам. И не ошибся.

Обед заканчивался, я в своей семье придерживался распорядка более европейского, чем старорусского, поэтому мы с братом после обеда не спали, а выпивали по чашке кофе, я выкуривал папиросу (брат не курил), и мы уезжали в главную контору на Большую Покровскую. Пешков как раз успел к этой процедуре. Когда Пешков вошел в столовую, брат его представил:

– Гордей Иванович, позволь рекомендовать тебе Алексея Максимовича Пешкова, моего знакомого по годам юности, а ныне известного журналиста и писателя Максима Горького.

Мы поздоровались. Пешков сел на венский, обитый белой кожей стул, приказчик подал ему чашку кофе и сотейник с молоком. Пешков отпил глоток кофе, и наклонился к большому кожаному портфелю, который принес собой и поставил рядом со стулом. Мне подумалось, что писатель хочет достать какую-то рукопись, и будет просить денег на ее издание, но я ошибался. Пешков извлек свою пачку спичек и нераспечатанную коробку папирос (не припомню точно, но это были московские «Дукат» или «Пушка») и положил ее перед собой на стол. Затем Пешков разрезал столовым ножом папиросную коробку, достал папиросу, чиркнул спичку и закурил. Прошло минут пять-шесть, писатель не сказал ни слова, пауза затягивалась. Я тоже ничего не говорил. Все это действие напоминало некую театральную сцену, Пешков явно находился в роли, а я решил ему в этом не препятствовать.

Наконец, он докурил папиросу, положил смятый окурок в пепельницу, отпил еще глоток остывшего кофе, отер свои усы пепельного цвета и молвил:

– Я, Гордей Иванович, пришел к вам по делу безотлагательному, важнейшему для современного состояния народного образования...

Говорил Пешков длинными фразами, неторопливо, иногда напирал на «о», но выглядело это не очень естественно. Чувствовалось, что общение с писателями и издателями в столицах приучило его к роли этакого матерого и угрюмого человека с волжских берегов, все повидавшего, все познавшего и множество горя в своей жизни испившего (на дату беседы писателю было 32 года). Я произведений Пешкова-Горького не читал, но точно знал, что происходил он из мещан, его дед владел большим двухэтажным домом на Ковалихинской улице, где, скорее всего, будущий писатель и родился. Дед писателя особыми капиталами не обладал, но явно не бедствовал. Суть длинной речи журналиста Пешкова сводилась к одному – он просил денег на постройку в Нижнем народного дома. Основным пайщиком постройки здания выступил уроженец Казани оперный певец Федор Шаляпин, но многие коренные нижегородцы также участвуют в этом благом деянии.

Когда Пешков-Горький закончил свой бесконечный нравоучительно-финансовый монолог, я подал свою маленькую реплику-вопрос:

– Алексей Максимович, наше с братом товарищество могло бы дать некую паевую сумму, но кто еще из нижегородского купечества участвует в этом благом деле? Нет ли у вас с собой списка этих господ с указанием сумм пожертвований? Кроме того, нам желательно узнать, как будет зафиксировано наше участие в этой народной подписке.

Пешков выслушал меня весьма внимательно, затем наклонился к своему необъятному портфелю, покопался в нем, и достал два документа – один подал мне, а другой моему брату. Мой документ представлял собой список пайщиков – жертвователей. Там были фамилии Калашникова, Каменских, Сергеева, Ногеса, Заплатаина, Волкова и еще нескольких нижегородских меценатов. Сумма взноса колебалась от пятисот до тысячи рублей.

Фамилии из списка пайщиков вызвали у меня дополнительные вопросы:

– Алексей Максимович, неужели Курбатовы, Стахеев, Булычев, Богомолов отказались войти в народное дело своим паем? Не верится.

Пешков взглянул на меня неожиданно зло, после чего вернулся к своему трагическому образу народного защитника и произнес второй длинный монолог:

– Они бы дали, да я не возьму

Суть второго монолога журналиста Пешкова состояла в том, что деньги этих воров и злодеев «кровушкой и потом народа политы»... и все в этом духе.

Когда Пешков закончил свою речь, я обратился к брату:

– Сережа, что скажешь? Пятьсот рублей серебром под расписку о внесении на счет паявого общества мы дать можем, не так ли?

Сережа на это не возражал, но задал Пешкову вопрос по своему документу – это был эскиз фасада и план строительства здания Народного дома:

– Алексей Максимович, строительство намечено за Острожной площадью на Новой стройке. Помнится, там должны были строить камвольную фабрику, и эскиз, который ты нам предоставил точно это сооружение из себя и представляет. Архитектура Дома явно слабая, казенная. Ты мог бы напомнить основному пайщику Шаляпину, что он дает деньги для улучшения народной жизни, а в данном случае наши сограждане из беднейших слоев после работы на одной фабрике пойдут отдохнуть на другую фабрику.

Алексей Максимович в это время с явным наслаждением курил третью по счету папиросу, но речь Сережи о сооружении для народа вместо Народного дома очередной фабрики его обидела. Он затушил папиросу, и жестким скрипучим голосом нараспев произнес:

– Я, господа Колышевы, вам благое дело предлагаю, а вы умничаете, картинки рассматриваете. Меняются люди...

Третий монолог Пешкова-Горького был посвящен процессу ухудшения человеческой породы от прогресса в целом, и от общения с «золотым тельцом» в частности. Пока знаменитый писатель рассказывал нам о своей оценке людей Нижнего в части их бездушия, жадности и звериной злобы, я подозвал приказчика и написал записку к управляющему своей конторы. В записке я поручил ему выдать Алексею Пешкову пятьсот рублей серебром, но взять с Пешкова расписку в получении денег для внесения безвозмездного пая на строительство Народного дома на Новой стройке в Нижнем Новгороде. Несмотря на кажущийся ораторский запал, моя записка, и ее текст не ускользнули от взгляда внимательного хитрого писателя Горького. Он еще немного поговорил и замолчал.

Я встал и произнес:

– Алексей Максимович, вы нас убедили, сейчас вас довезут до нашей конторы и там управляющий выдаст вам на строительство пятьсот рублей. Не обессудьте, ассигнаций у нас нет, работаем в рознице, примите серебром – целковыми.

Писатель откланялся и ушел. Мы выпили еще по чашке кофе. Сергей подвел итог:

– Талантлив Алеша, пишет хорошо, а играет еще лучше, в театр идти не надо.

Расписку в получении нашего паевого взноса Пешков написал (подпись на денежных документах псевдонима не содержала – писатель расписывался так – «А. Пешков»), она хранилась у меня в конторе до событий января 18-го года, а затем была изъята вместе с другими документами и бесследно исчезла. Народный дом в Нижнем построили. Чтобы скрыть первичный фабричный проект на двух обычных для фабрики боковых колоннах, в которых проходили трубы отопления и вентиляции, приделали сверху портики в римском стиле. Здание Народного Дома было сложено из красного кирпича, но штукатурить дом не стали и прямо в этом «фабричном виде» его в сентябре 1903 года открыл своим концертом Федор Шаляпин. Имена других пайщиков – меценатов при открытии Народного дома не упоминали.

Прошло 15 лет, надвигался год 18-й. В Нижнем события октября 17-го прошли спокойно. В контору моего товарищества новые власти прислали уполномоченного, в нашем деле он ничего не понимал, но забрал себе ключи от денежных ящиков и главную печать. Уполномоченный появлялся в конторе два-три раза в неделю, поэтому дела у нас встали. Затем наши склады на Сибирской пристани были реквизированы вместе с товаром, а взамен я получил бумажку действительной цены и значения не имеющую. Удивительно было то, что прежний губернатор и его чиновники продолжали работать (или только присутствовать) в губернаторском доме в Кремле, только полицейского стражника в воротах Кремля заменил красногвардеец.

Идиллия завершилась в конце 17-го года. Новая власть сыпала декретами как из рога изобилия. В конце второй декабрьской недели СНК, который возглавлял Ленин, национализировало банки во всей Р. С. Ф.С.Р. со всей наличностью. У банка на Большой Покровской днем и ночью стали дежурить красногвардейцы. Было холодно, поэтому они разжигали в чугунной

цветочной вазе костер, у которого грелись. Топливом им служили круглые газетные тумбы, которые они подтащили на свой «пост» от Губернского суда и Дворянского собрания. В самом начале 18-го года прошел слух, что сбежал наш городской голова крупнейший волжский судовладелец Сироткин. За ним в дом на набережной явилась «Чека», а его и след простыл. Я знал Сироткина и догадывался, что сбежал он не с пустыми руками, а деньги хранил не в Госбанке на Большой Покровской, а, скорее всего, в золотых царских червонцах в надежном месте.

8 января 18-го года «Чека» пришла и в мою контору. Грозную организацию представлял юноша кавказской наружности, одетый в черное пальто и кадетский башлык, и солдат с винтовкой, красной повязкой на рукаве и красной ленточкой, пришитой к папахе. Первым кого чекисты спросили, был большевистский уполномоченный с ключами и печатью, но он уже дней десять у нас не появлялся. Выяснилось, что уполномоченный бежал, и его новые «жандармы» разыскивают. Уполномоченный успел прихватить содержимое нескольких денежных ящиков в других товариществах и компаниях, которые ему были поручены во временное управление Губ. Комом и Губ. Исполкомом. Позвали дворника, вскрыли мой денежный ящик, забрали оттуда наличность ассигнациями, керенками и царским серебром, спросили о золоте. Я ответил, что золота не имею.

Юноша – чекист мне не поверил, поэтому мы поехали на моей пролетке в мой дом на Малой Ямской улице. Деньги перед этим погрузили в мешок, который солдат унес в двухэтажный особняк на улице Малая Покровская (это была резиденция Губ. Ч.К. – кому принадлежал особняк, я запамятовал), мимо которого мы проезжали. Пока солдат отсутствовал, я спросил у юноши, в чем причина такой спешки. Чекист ответил:

– В Петрограде враги революции совершили дерзкое нападение на нашего товарища Моисея Урицкого. Поэтому товарищ Ленин объявил всем Вам красный террор.

Более всего меня удивило в этом пафосном сообщении отнесение меня – скромного производителя колбас и мясного и бакалейного торговца, политикой никогда не занимавшегося, – к врагам революции эпитетом «Вам». После сказанной фразы юный чекист сверкнул своими красивыми карими глазами, и постучал себя по карману. Может быть, там у него лежал револьвер, а может быть, это был обычный, ничего не значащий, жест.

В денежной кладовой на Малой Ямской у меня реквизировали всю мелочь, упакованную в холщовые мешки, и солдат отнес эти деньги в пролетку. Затем солдат свалил все конторские бумаги из ящиков бюро в угол кладовки. Юноша попросил у моего оцепеневшего приказчика бумагу, ножницы и казеиновый клей и лично заклеил пустые ящики бюро, и дверь в кладовку белыми бумажными полосками. В кармане у него оказалась завернутая в голубой платочек мастичная круглая печать, Он смачно плевал на нее и шлепал черный оттиск на бумажные полоски. Завершив свое таинство, юноша обратил внимание и на меня. Мне было сообщено, что я арестован до выяснения, и могу взять немного вещей, а первый этаж моего дома будет отдан под расселение «неимущих нуждающихся классов», и его нужно до утра освободить. Я поинтересовался у юного чекиста судьбой моего товарищества и меня лично. Юноша ответил так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.